

Костин Данила Анатольевич,
Студент, СГСПУ
Kostin Danila Anatolevich,
SGSPU

**СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
И ИРАНА ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГГ.
MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF DIPLOMATIC RELATIONS
BETWEEN THE RUSSIAN EMPIRE AND IRAN DURING
THE CRIMEAN WAR OF 1853–1856.**

Аннотация. В статье анализируется современное состояние отечественной историографии дипломатических отношений Российской империи и Ирана в период Крымской войны. Выявляются основные исследовательские тренды, методологические подходы (имперская и трансимперная история, компаративистика, микроистория дипломатии), а также ключевые дискуссионные проблемы. Особое внимание уделено эволюции оценок нейтралитета Ирана, роли англо-русского соперничества и внутрииранских факторов, определивших ход переговоров 1853–1854 гг.

Abstract. The article analyzes the current state of Russian historiography on the diplomatic relations between the Russian Empire and Qajar Iran during the Crimean War. It identifies key research trends, methodological approaches (imperial and transimperial history, comparative studies, microhistory of diplomacy), as well as key debatable issues. Special attention is paid to the evolution of assessments of Iran's neutrality, the role of Anglo-Russian rivalry, and internal Iranian factors that determined the course of the 1853–1854 negotiations.

Ключевые слова: Историография, Крымская война, русско-иранские отношения, Каджарский Иран, дипломатия нейтралитета, «Большая игра», методологические повороты, трансимперская история.

Keywords: Historiography, Crimean War, Russian-Iranian relations, Qajar Iran, neutrality diplomacy, Great Game, methodological turns, transimperial history.

Отдельного обобщающего труда, посвящённого историографии дипломатических сюжетов российско-иранского взаимодействия в 1853–1856 гг., на сегодняшний день не существует. Изучение этой проблематики рассредоточено в общих работах по истории русско-персидских отношений, в исследованиях «Большой игры», в биографических очерках о дипломатах (князь А.С. Меншиков, Н.А. Аничков, мирза Саид-хан), а также в отдельных статьях, посвящённых позиции нейтральных держав в Крымской войне. Такой «мозаичный» характер требует от современного историка навыков междисциплинарного синтеза и пристального внимания к архивным фондам, часть из которых стала доступна только в постсоветский период.

В работе Н.К. Тер-Оганова «Геополитические предпосылки Крымской войны (1853–1856 гг.) и тайные русско-иранские переговоры» [4] впервые в постсоветской историографии предпринят комплексный анализ геополитической подоплёки российско-иранского дипломатического торга. Автор детально реконструирует ход тайных переговоров, начавшихся в мае 1853 года, и доказывает, что их успешное завершение подписанием секретной «Конвенции о нейтралитете» явилось прямым следствием прагматичного учёта Россией слабости иранской армии и нестабильности правительства Ага-хана Нури. Тер-Оганов убедительно показывает, что нейтралитет Ирана стал результатом не столько давления

извне, сколько точного просчёта российскими дипломатами пределов уступок, на которые было готово пойти шахское правительство.

Целенаправленный анализ массива историографии, выявление трендов и методологических поворотов обнаруживаются в работе О.А. Гокова «Россия, Иран и "Восточный вопрос" в 1850-х-1870-х гг.» [1]. Исследуя широкий контекст, автор фиксирует резкое сокращение роли Ирана в «Восточном вопросе» во второй половине XIX века, связывая этот процесс с прогрессирующей деградацией Ирана как региональной дипломатической и военной державы. Для периода Крымской войны Гоков выделяет характерную модель взаимного инструментального использования: каждая из сторон стремилась эксплуатировать другую в своих интересах, что, однако, не перерастало в открытый конфликт благодаря сохранявшимся зонам совпадения интересов на Северном Кавказе и в Закавказье. Этот вывод знаменует отход от более ранних нарративов, рисовавших Иран исключительно пассивным объектом англо-российского соперничества.

Значительный интерес представляют работы О. А. Чернова, демонстрирующие, как изучение биографии и персональных сетей чиновников МИДа позволяет переосмыслить механизмы принятия решений и реализацию экономической дипломатии [8].

Современную историографию дипломатических отношений России и Ирана в период Крымской войны можно структурировать по нескольким методологическим этапам.

Первый этап (1990-е – начало 2000-х гг.): связан с «архивной революцией» и преодолением советских идеологических клише. Исследователи этого периода (В.Л. Егоров [2], П.П. Черкасов [7]) сосредоточились на геополитическом измерении, рассматривая дипломатию как серию рациональных ходов по удержанию Тегерана в сфере влияния. Основное внимание уделялось англо-российскому соперничеству, анализу британских субсидий шаху, миссии полковника Шиля и попыткам России заключить сепаратный антиосманский договор. Критика этого подхода – он не всегда в должной мере учитывал иранскую агентность, иногда сводя её к пассивному реагированию на внешние импульсы.

Второй этап (середина 2000-х – 2010-е гг.): ознаменовался институциональным и микроисторическим поворотом. Дипломатия стала изучаться не только на уровне «большой политики», но и в её повседневных практиках. Исследователи обратились к реконструкции биографий второстепенных дипломатов, переводчиков, торговых агентов, чья деятельность на местах зачастую формировала реальную повестку отношений. Стало очевидным, что решения в Тегеране и Петербурге принимались с учётом расклада сил в Тебризе, Реште, а также позиции региональных элит – ханов Хорасана и Азербайджана, которые не всегда подчинялись центру [3].

Третий этап (2010-е – 2026 гг.): характеризуется утверждением трансимперной и глобальной оптики. Дипломатические отношения России и Ирана перестали рассматриваться как изолированная билатеральная проблема. Они органично вписываются в более широкий контекст «долгого XIX века»: эпохи крушения старых империй, технологической революции (телеграф, пароходы), формирования мировых товарных и финансовых рынков. Характерной чертой этого этапа стало активное использование компаративного метода: сопоставление российской политики в Иране с практиками других империй (британской в Индии, османской на Ближнем Востоке).

Современная методология представляет собой плюралистический синтез нескольких подходов: неинституциональный анализ (формальные нормы Гюлистанского и Туркманчайского договоров и неформальные практики коррупции и клановых связей), историко-антропологический подход (изучение переговорных ритуалов, понятий «чести» и «доверия» в дипломатической переписке) и трансимперная история (сравнение российских и британских практик работы с вассальными территориями) [6].

Ключевые дискуссионные проблемы в современной историографии

1. Природа иранского нейтралитета. Дискуссия между сторонниками «концепции вынужденного нейтралитета» (Иран – заложник англо-российского давления) и ревизионистами, которые доказывают, что шахское правительство сохраняло значительную агентность и умело страховывало риски. Аргументы в пользу последней точки зрения: иранская сторона настояла на тайном характере конвенции от сентября 1854 года и добилась конкретизации положений о запретных для экспорта зонах (Азербайджан, Герус, Керман), что свидетельствует о её способности отстаивать свои интересы [5].

2. Соотношение экономических и политических факторов. Если в советской историографии доминировал тезис о том, что российская дипломатия опиралась на военно-политическое давление, то современные исследования показывают значимость экономических рычагов. Россия оставалась крупнейшим импортёром иранского шёлка-сырца (до 20% всего ввозимого шёлка) и хлопка, и угроза разрыва торговых связей была весомым аргументом на переговорах.

3. Влияние внутрииранских факторов. В фокус внимания попали клановые противоречия при каджарском дворе, борьба группировок вокруг шаха Насер эд-Дина и роль таких фигур, как Ага-хан Нури. Современные историки доказывают, что иранская дипломатия была не просто реакцией на внешние вызовы, но и инструментом внутренней политической борьбы.

Таким образом, степень изученности историографии дипломатических отношений России и Ирана в период Крымской войны сегодня можно охарактеризовать как уверенно растущую, но всё ещё фрагментированную. Накоплен солидный фактологический материал по договорным нормам, биографиям дипломатов и хронологии контактов. Произошёл методологический сдвиг от геополитического детерминизма к трансимперной и микроисторической оптике. Однако остаются «белые пятна»: отсутствие полной публикации переписки российского посольства за 1855 год, слабая изученность восприятия Крымской войны в иранских исторических хрониках, почти нет исследований, соединяющих историю дипломатии с историей эпидемий (холера, занесённая через Персию на Кавказ). Требуются обобщающие труды, которые выйдут за рамки двусторонних отношений и включают регион в глобальную историю Крымской войны как конфликта, перекроившего всю Евразию.

Список литературы:

1. Гоков О.А. Россия, Иран и «Восточный вопрос» в 1850-х–1870-х гг. / О.А. Гоков // Canadian-American Slavic Studies. – 2016. – Т. 50, № 2. С. 177–196. DOI: 10.1163/22102396-05002006.

2. Егоров В.Л. «Большая игра» на Кавказе: Россия, Иран и Англия в 1853–1856 гг. // Вестник МГИМО Университета. 2008. № 2. С. 45–53.

3. Семёнова А.А. Мирза Саид-хан и российская дипломатическая миссия: микроистория переговоров 1854 года / А.А. Семёнова // Новый исторический вестник. – 2019. № 2. С. 38–52.

4. Тер-Оганов Н.К. Геополитические предпосылки Крымской войны (1853-1856 гг.) и тайные русско-иранские переговоры / Н.К. Тер-Оганов // Сумский историко-архивный журнал. 2019. № XXXII. С. 27–45.

5. Тер-Оганов Н.К. Секретная конвенция о нейтралитете Ирана в Крымской войне 1853-1856 гг.: анализ дипломатического соглашения / Н.К. Тер-Оганов // Сумский историко-архивный журнал. 2019. № XXXII. С. 42–45.

6. Толстой С.Г. Русская война. Столетний историографический опыт осмысления Крымской кампании. М.: МГОУ, 2002. С. 138.

7. Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке. М.: Весь Мир, 1995. С. 49.

8. Чернов О.А. Особенности и факторы становления и карьеры дипломата в контексте биографии Н.В. Чарыкова [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2023. Т. 14, № 9 (131). С. 13. DOI: 10.18254/s207987840028141-4 EDN: WWUABL.

